

Дни Хусни аз-Заима. 137 дней, которые потрясли Сирию

НАЗИР
ФАНСА

(отрывки из воспоминаний)¹

Утро четверга, 30 марта 1949 года. Улицы Дамаска, спокойные и мокрые после ночного дождя. А потом начинается то, чего сирийская столица еще не видывала.

В последующие годы эти удивительные события повторятся еще не раз как на улицах Дамаска, так и в других арабских столицах. Танки и бронемшины окружают здания государственных учреждений. Башни танков и броневиков открыты, из них выглядывают солдаты с касками на головах и тяжелыми пулеметами в руках.

Жители Дамаска еще не знали, что следует за этим военизированным представлением, то есть что пора доставать удостоверения личности и бежать к радиоприемнику. Короче говоря, не знали, в чем смысл происходящего в столице.

Солдаты понимали немногим больше. Тем ранним утром они не проверяли документы прохожих. Они не чувствовали ни нервозности, ни напряжения. Страх еще не стал частью сирийской повседневности.

1 Перевод выполнен по изданию: FANSA N. *Ayyām Husnī az-Zaīm. 137 yawman hazzat Sūriyya*. Beirut, 1982. Здесь и далее биографические данные приведены по книге: MOUBAYED S. *Steel & Silk: Men & Women Who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune, 2005.

АРХИВ «НЗ»

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯСЛИ СИРИЮ

Назир Фанса (1918–2005) – сирийский журналист, в 1940–1949 годах работал в газете «Алеф-Ба». В 1949 году его свояк, полковник Хусни аз-Заим, совершил военный переворот. Фанса стал его советником, личным секретарем и специальным посланником. После свержения аз-Заима Назир Фанса продолжил заниматься журналистикой в Сирии. Когда Сирия и Египет слились в Объединенную Арабскую Республику (1958–1961), Фанса переехал в Иран, где стал советником шаха Резы Пехлеви, а также издателем первой иранской газеты на арабском языке. Незадолго до иранской революции 1979 года переехал в Париж. Там он писал книги о Сирии, включая воспоминания о политической карьере аз-Заима.

Гражданин приближается к солдату и спрашивает: «Брат... Что такое? Что случилось?» Солдат отвечает коротко: «Переворот!».

Гражданин спрашивает тем же невинным тоном: «Переворот?.. Что такое переворот?» Так оно тогда и было. Никто еще не знал, что такое военный переворот.

На слух все тоже было в новинку. Радио Дамаска прервало стандартную сетку вещания и стало транслировать военную музыку. В семь утра марш прекратился, и громкий голос, подрагивая, объявил следующее:

«Коммюнике № 1.

Наш патриотический долг и боль от того состояния, до которого докатилась наша страна из-за лжи и произвола тех, кто называет себя нашими преданными руководителями, подтолкнули нас к тому, чтобы временно взять бразды правления в свои руки. Мы всей душой стремимся к сохранению независимости. Мы сделаем все необходимое ради нашей любимой родины не из стремления захватить власть, а ради установления подлинно демократического правления, которое сменит нынешнюю пародию на демократию.

Мы просим наш благородный народ сохранять спокойствие, предоставить нам помощь и содействие, чтобы позволить нам завершить нашу освободительную миссию. Любая попытка нарушить порядок, которую могут предпринять пособники империализма, будет тут же безжалостно пресечена.

30 марта 1949 года. Верховное командование вооруженных сил».

Необходимость «временно» взять власть и подготовить «подлинно демократическое правление». Отсутствие стремления «захватить власть»... Эти и многие другие выражения стали неотъемлемой частью многочисленных «коммюнике № 1», которые транслировали радиостанции арабского мира в последующие десятилетия.

С этого момента, с семи часов утра 30 марта 1949 года, начался первый акт трагедии военных переворотов. А сам я внезапно оказался в водовороте событий, которые навсегда изменили Сирию и арабские страны.

КАК ПРЕЖДЕ, УЖЕ НЕ БУДЕТ

Для сирийского и арабского гражданина в те дни не понятно было ничего: лидер путчистов не объявился, ограничившись подписью «верховное командование вооруженных сил» под Коммюнике № 1. Почему? Что он скрывает? Вернет ли он власть политикам или постепенно избавится от старой политической системы? Ясно было лишь то, что Сирия уже не будет прежней.

Лидером переворота выступил полковник Хусни аз-Заим. Во время переворота ему было чуть больше пятидесяти лет. И его имя, и даже облик были уже известны сирийцам тем мартовским утром в 1949-м.

Я познакомился с полковником Хусни аз-Заимом еще в 1945-м, в год парламентских выборов, которые вывели на первый план лидеров независимой Сирии – таких, как Шукри аль-Куватли², Джамиль Мардам-бей, Саадалла аль-Джабири³, Рушди аль-Кихья, Назим аль-Кудси⁴, Аднан аль-Атаси, Хильми аль-Атаси, Ас'ад Харун, Бадави аль-Джабаль, Акрам Хаурани⁵, Раиф аль-Мулки, Абдуррахман аль-Азм, Наджиб ар-Рейес и другие. В то время я был редактором популярной газеты «Алеф-Ба». Некоторые из этих политиков каждый день собирались в кафе «Красная мельница» на набережной реки Барада в Дамаске. Они сидели одними и теми же компаниями, в которых вращались Акрам Хаурани, Салах аль-Битар, Мишель Афляк⁶, Фарид Мерхедж, Хани ас-Сибай, Раиф аль-Мулки, Хильми аль-Атаси и шейх Трад

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯСЛИ СИРИЮ

- 2** Шукри аль-Куватли (1892–1967) – политик из Дамаска, один из лидеров сирийского движения за независимость, в независимой Сирии занимал пост президента в 1943–1949 и 1955–1958 годах. Лидер Национальной партии, которая представляла интересы дамасской элиты и, в противовес Народной партии (см. ниже), стремилась сохранить независимость Сирии и республиканскую форму правления. Скончался в изгнании в Бейруте.
- 3** Саадалла аль-Джабири (1893–1947) – политик из Алеппо, принадлежавший к одной из самых известных землевладельческих семей в Сирии. Был одним из лидеров антиколониальной оппозиции в Алеппо, неоднократно состоял членом правительства, в том числе и в ранге премьер-министра.
- 4** Рушди аль-Кихья (1900–1988) и Назим аль-Кудси (1900–1998) – политики из Алеппо, видные деятели антиколониального движения. В независимой Сирии – лидеры парламентской оппозиции президенту Шукри аль-Куватли. В 1947–1948 годах аль-Кихья и аль-Кудси основали Народную партию, которая представляла интересы «нобилитета» Алеппо и выступала за демократические реформы, децентрализацию Сирии и объединение с Ираком и Иорданией. Аль-Кихья некоторое время был спикером парламента, а аль-Кудси успел побывать и спикером, и премьер-министром, а в 1961–1963 годах занимал пост президента Сирии. Президент аль-Кудси был свергнут партией Баас в 1963 году. И аль-Кихья, и аль-Кудси умерли в изгнании. См.: LAWSON F. H. *Liberal Champions of Pan-Arabism: Syria's Second Hizb al-Sha'b* // SCHUMANN C. (Ed.). *Nationalism and Liberal Thought in the Arab East: Ideology and Practice*. London: Routledge, 2010. P. 31–47.
- 5** Акрам Хаурани (1912–1996) – политик из Хама. В студенческие годы состоял в пансирийской Сирийской социальной националистической партии Антуна Сааде. В 1946 году Хаурани основал Арабскую социалистическую партию, которая в 1954-м слилась с Партией арабского возрождения в Партию арабского социалистического возрождения (Баас). Хаурани был одним из первых социалистов в Сирии; как политик он прославился в качестве защитника прав крестьян. В 1949 году Хаурани участвовал в разработке плана переворота Хусни аз-Заима, после путча был его советником. Это не помешало ему успешно продолжить политическую карьеру после свержения аз-Заима. Однако после баасистского переворота в Сирии, совершенного в 1963 году, новый режим отправил Хаурани в изгнание, опасаясь его популярности. Хаурани умер в Аммане.
- 6** Салах ад-Дин аль-Битар (1912–1980) и Мишель Афляк (1910–1989) – основатели Партии арабского социалистического возрождения (Баас). После выпуска из Сорбонны работали учителями в школе ат-Таджхиз в Дамаске (Битар преподавал физику и математику, Афляк – историю). В 1940-х вокруг них сложилась группа школьников и студентов, которые разделяли их социалистические и арабско-националистические взгляды. В 1947-м они основали Партию арабского возрождения, которая вскоре стала заметной политической силой, особенно среди интеллигенции и офицеров. Битар занимался аппаратной работой и периодически представлял партию в правительстве, в то время как Афляк был в первую очередь идеологом. В 1963 году офицеры-баасисты совершили военный переворот, и таким образом партия Баас пришла к власти в Сирии. После военного переворота 1966 года, в котором одна фракция баасистов сместила другую, Битар и Афляк были вынуждены покинуть Сирию. Битара убили в Париже, а Афляк скончался в Багдаде.

аль-Мульхим. Большинство из них были молодыми депутатами, которые до полудня по два часа общались с журналистами, пили кофе и курили кальян.

Иногда в кафе навевывался невысокий полный мужчина. Он представлялся нам как Хусни аз-Заим. Иногда он подсаживался к одной из компаний, но было непохоже, чтобы он знал кого-то из присутствующих. Порой он говорил с нами и рассказывал, что он бывший офицер, которого деголлерская Франция арестовала во время Второй мировой войны, и что он вышел из тюрьмы, только когда Сирия получила независимость. Однако из армии его уволили.

Иногда он начинал рассказывать нам о своей учебе в Сирии и Турции, а затем и во Франции, и как британцы арестовали его во время Первой мировой, и как он после этого присоединился к арабской армии Фейсала⁷.

Потом Хусни аз-Заим начинал жаловаться на свое нынешнее положение и рассказывал депутатам, с которыми мы сидели, что руководство независимой Сирии не торопится восстанавливать его на службе и что он собирается жаловаться на нарушение своих прав как военного. Естественно, он был одет в гражданское, но его последним рангом перед отстранением был чин подполковника. Все время, что он сидел с нами, он курил кальян.

Некоторые депутаты из нашего круга в «Красной мельнице» заинтересовались просьбами Хусни аз-Заима и пообещали посодействовать его восстановлению на службе. Постепенно наши с ним отношения становились все ближе, и вот уже он стал ежедневно навещать меня в офисе газеты «Алеф-Ба».

Во время наших вечерних посиделок в редакции я узнал больше о Хусни аз-Заиме и его прошлом. Он родился в Алеппо в 1897 году. Отец его был муфтием в османской армии. У аз-Заима был брат, шейх Салах ад-Дин аз-Заим, который также был богословом и скончался за несколько лет до нашей встречи. Другого его брата звали Башир аз-Заим. Хусни постоянно напоминал о своем стремлении вернуться в армию, так что, когда однажды меня посетил тогдашний министр обороны, покойный Ахмад аш-Шарабати, я поднял эту тему. Но стоило мне упомянуть Хусни аз-Заима, министр немедленно завелся,

7 Эмир Фейсал ибн Хусейн (1883–1933), с 1921 года – король Ирака Фейсал I. Сын шерифа Мекки Хусейна ибн Али, один из предводителей Арабского восстания 1916 года против Османской империи. Великобритания активно поддерживала восстание и обещала шерифу Мекки передать ему османские провинции с арабским населением. После Первой мировой войны эмир Фейсал попытался основать арабское королевство в Сирии, однако в 1920 году французская оккупация положила конец его правлению. В 1921-м Великобритания предложила ему корону Ирака. См.: ZEINE Z.N. *The Struggle for Arab Independence: Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria*. Delmar: Caravan Books, 1977. GELVIN J.L. *Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire*. Berkeley: University of California Press, 1999.

встал и, повысив голос, сказал: «Дорогой мой... Не упоминайте больше это имя при мне. Этот человек – авантюрист, да сбережет нас от него Аллах».

Но, когда Джамиль Мардам-бей сменил Ахмада аш-Шарабати на посту министра обороны, я направился к нему и сказал, что наша армия молода, что ей нужны офицеры с военным образованием вроде Хусни аз-Заима, который отучился в лучших военных академиях Турции, Сирии и Франции.

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯСЛИ СИРИЮ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМИЮ

После нескольких интервенций с моей стороны Хусни аз-Заима восстановили в армии. Это было в 1946 году. После того, как мы с Джамилем Мардам-Беем в очередной раз похлопотали за аз-Заима, его назначили главой военного суда в Дейр аз-Зоре (на севере Сирии).

Хусни аз-Заим много благодарил меня за эту помощь, и наша дружба переросла в братство. Но потом он начал жаловаться, что его зарплаты не хватает на жизнь в Дейр аз-Зоре. Он предпочел бы, чтобы его перевели обратно в Дамаск, где находится его дом. К тому же он был не рад своей должности, потому что она не соответствовала его опыту и заслугам.

На этот раз я обратился к ныне покойному президенту Шукри аль-Куватли, чтобы он перевел Хусни аз-Заима. Однако у президента были серьезные сомнения насчет характера аз-Заима и его репутации авантюриста и любителя азартных игр. Я возразил, что все это было в молодости аз-Заима – а кто в молодости не терял голову? Теперь же он остепенился до такой степени, что не пьет вина (из-за диабета), а с азартными играми покончил после банкротства.

В молодости аз-Заим и правда был авантюристом. Например, как-то раз он повздорил с французским офицером из-за того, кто из них будет танцевать с одной дамой. Тогда аз-Заим поднял свой отряд по тревоге и арестовал этого француза. А порой он играл и жульничал, или, как говорят любители азартных игр, «метил карты».

В итоге я уговорил президента перевести Хусни аз-Заима в Дамаск, где его назначили главой полиции. Говорили, что аз-Заим отнесся к своей новой должности со всей серьезностью, и это чистая правда. Тут ему помогла «театральная» часть его личности, но в любом случае он стал популярным среди полицейских и повысил уважение к ним среди населения. Полюбили аз-Заима и граждане, которые заметили, что их повседневная жизнь стала лучше благодаря его новому подходу к управлению полицией.

Это было в 1948 году, который никогда не изгладится из памяти арабов. В тот год было провозглашено государство Израиль. Арабские армии начали первое сражение за Палестину, которое закончилось самым печальным образом. Сирийскую армию тогда возглавлял Абдулла Атфе.

Среди атмосферы досады и печали, в которой жили тогда арабы, Хусни аз-Заим как-то раз пришел ко мне домой. Он долго рассказывал мне о положении сирийской армии на фронте и о том, что, если бы Шукри аль-Куватли назначил его главой армии, он справился бы со своими обязанностями куда лучше Абдаллы Атфе.

Хотя аз-Заим описал мрачное состояние сирийской армии, его замечания по поводу тактики были революционны по тем временам. Так, он сказал мне тем вечером, что попытки одолеть Израиль силами арабских регулярных армий – это ошибка, потому что сионистские отряды лучше организованы, пользуются политической поддержкой США, Франции, Великобритании и Советского Союза и к тому же ведут партизанскую войну против арабских армий. Так что арабам следует вести боевые действия тем же образом.

Я зацепился за это предложение Хусни аз-Заима, когда на следующий день пошел на встречу с президентом Шукри аль-Куватли и министром обороны Джамилем Мардам-Беем. Мои слова произвели на обоих хорошее впечатление – по правде сказать, я не ожидал, что это будет так легко. Президент спросил у меня: «Ручаешься за него?». А я ответил: «Конечно! Он оставил авантюризм в прошлом. И к тому же доказал свои способности на посту главы полиции».

И действительно, Хусни аз-Заима повысили до полковника и назначили главнокомандующим армией. Он был в восторге от себя и своего нового положения. К тому же новое звание было созвучно его имени: полковник Хусни аз-Заим⁸.

Когда новый главнокомандующий впервые надел свой новый мундир и нацепил на него знаки отличия и медали, он тотчас пришел ко мне домой, чтобы похвастаться формой. Он рассматривал себя перед зеркалом, не веря своим глазам, и спрашивал меня раз за разом: «Назир, Назир, ну разве я не хорош в этом мундире?».

Я сел в кресло у зеркала и стал смотреть на этого элегантного толстяка. Мне бы в голову не пришло, что передо мной стоит человек, которому предстояло править Сирией, а спустя несколько месяцев встретить безобразный конец, которого он не заслуживал.

8 В те годы чин полковника в сирийской армии обозначался словом «заим» (лидер, вождь, главарь, предводитель). Таким образом, по-арабски словосочетание «полковник Хусни аз-Заим» звучало как «аз-заим Хусни аз-Заим».

Я думал о том, как за несколько месяцев до этой встречи я злился на него, не разговаривал с ним и даже не пускал в свой офис. Все из-за того, что он стал моим свояком, то есть женился на сестре моей жены, ничего мне не сказав и не спросив моего мнения, как того требовала наша дружба.

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯЯСЛИ СИРИЮ

ИСТОРИЯ ЖЕНИТЬБЫ

[...]

Смеяться от всей души аз-Заиму пришлось недолго, потому как вскоре он оказался в гуще событий, среди которых и родилось грозное решение совершить военный переворот.

В парламенте был депутат по имени Фейсал аль-Асали, генеральный секретарь Кооперативной социалистической партии. Он последовательно вел словесную кампанию против нового главнокомандующего сирийской армией. Однажды депутат аль-Асали обвинил полковника Хусни аз-Заима и Ибрахима аль-Хусейни, начальника военной полиции, в том, что они планировали подложить бомбу в один из офисов партии аль-Асали.

Тут нужно прояснить два момента. Во-первых, нападки Фейсала аль-Асали начались из-за того, что аз-Заим, верный своему обычаю отклонять личные просьбы, отказал аль-Асали, когда тот попросил перевести одного полицейского на другой участок. Во-вторых, аз-Заим и аль-Хусейни говорили правду, когда утверждали, что ничего не знают о бомбе в офисе социалистической партии. По свидетельству человека, который жив до сих пор (имя его – Али аль-Аюби; он был правой рукой аль-Асали), за инцидентом с бомбой стояла сама партия. Это было нужно, чтобы поддержать кампанию ее лидера против аз-Заима.

Полковник Хусни аз-Заим встретился с президентом Шукри аль-Куватли и поклялся честью военного, поклялся на Священном Коране, что он ничего не знает об этой бомбе.

Премьер-министром и министром обороны тогда был Халед аль-Азм. При всех талантах государственного деятеля это был человек крайне высокомерный и гордый своей принадлежностью к феодальной аристократии⁹. И он ненавидел аз-Заима.

Я шел в кабинет аль-Азма, чтобы поговорить с ним о несправедливой кампании против аз-Заима. Я сказал, что вмешиваюсь не оттого, что аз-Заим – мой свяк, потому что я вообще был

9 Под «феодальной аристократией» автор подразумевает крупных землевладельцев, которые проживали в городах. Именно из этой социальной страты происходили многие сирийские политики, которые возглавляли движение за независимость в период французского мандата (1920–1946) и управляли Сирией в первые десять–пятнадцать лет независимости. О происхождении этой социальной группы см.: KNOURY P.S. *Urban Notables and Arab Nationalism: The Politics of Damascus 1860–1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

против того, чтобы он им стал. Но теперь он главнокомандующий; и к человеку на его посту будут относиться с уважением, или он подаст в отставку.

Однако жестокая кампания против аз-Заима лишь набирала обороты. Теперь к ней подключилась пресса. Газеты обвиняли аз-Заима в том, что он стоит за махинациями с качеством масла для жарки, которое использовалось в армии, – якобы он вступил в сговор с поставщиком и зарабатывал на этом деньги.

СЛЕЗЫ И ЖАЛОБЫ

И вот аз-Заим – человек, пользующийся уважением у сирийцев, – приходит ко мне домой и плачет, и жалуется на жестокость и несправедливость нападков на него. Он даже предложил Шукри аль-Куватли отправить его в отставку, лишь бы сохранить честь, и назначить его губернатором в Алеппо. А когда аз-Заим приходил в офис своего непосредственного начальника, министра обороны Халеда аль-Азма, с ним обходились презрительно – если вообще обращали на него внимание. Порой аз-Заиму приходилось часами ждать, прежде чем его пустят в кабинет аль-Азма на заранее назначенную встречу. Иногда его и вовсе не пускали к министру.

За закупки в армии отвечал полковник Антуан Бустани. Аз-Заим утверждал, что, вероятно, это он и закупил некачественное масло для военных. У сирийской армии тогда не было лабораторий для анализа качества материалов, которыми она снабжалась.

Тогда-то, во время наших частных семейных посиделок с аз-Заимом, и сформировался его план: он хочет устроить военный переворот и бросить в тюрьму всех, кто его унижал. Я пытался уговорить его и говорил: «Твоя военная служба скоро закончится, у тебя будет отличная пенсия. И потом, женившись, ты отказался от авантюры!»

А тем временем группа депутатов начала кампанию в парламенте за сокращение военного бюджета и численности армии. Более того, в парламенте обсуждали понижение зарплат офицеров. Этого никак не могли снести в рядах сирийской армии, которая, как и все арабские армии, переживала тяжелые условия Первой палестинской войны.

Однажды ранним утром аз-Заим ненадолго зашел ко мне домой. Он сказал: «Сегодня у нас будет вечеринка в твоём доме, приготовь нам что-нибудь поесть и выпить». Я спросил: «Ты говоришь во множественном числе? Кто эти “мы”, которые придут сегодня?» А он ответил: «Кое-какие офицеры. Вы знакомы».

Тогда я спросил: «А какой повод? Надеюсь, радостный?» Он ответил: «Мы позаботимся об этом».

После этого он встал и вышел.

Это было 24 марта 1949 года.

Вечером офицеры стали прибывать в мой дом в районе Айн аль-Кирш в Дамаске. Их было четырнадцать человек, и все были в гражданском. Они приходили один за другим, без машин и с временными интервалами. Первым, в шесть часов, прибыл Сами аль-Хиннави, а около половины девятого последним пришел полковник Хусни аз-Заим.

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯЯСЛИ СИРИЮ

НОЧЬ ПЕРЕВОРОТА

[...]

В начале встречи все выпили. Даже Хусни аз-Заим, который обычно не пил из-за диабета, в ту ночь выпил вместе с остальными.

Из первых же реплик офицеров я понял, что на мысль о перевороте их натолкнули непрекращающиеся нападки в парламенте со стороны Фейсала аль-Асали, депутата от аз-Забадани и лидера Кооперативной социалистической партии.

Главнокомандующий армией, то есть Хусни аз-Заим, был зол, и раздражение читалось на лицах других офицеров. Аз-Заим начал собрание с рассказа о встрече с высокопоставленными офицерами, которая состоялась за день до того в ставке верховного командования в Кунейтре. Там также обсуждались несправедливые нападки, которым подвергалась армия в парламенте.

Аз-Заим обсуждал идею военного переворота с офицерами в Кунейтре. Однако они посчитали, что в эту трудную минуту борьбы с сионистским врагом прежде всего нужно сохранить родину и повременить с такими мыслями.

Вместо переворота аз-Заим и другие высокопоставленные офицеры в Кунейтре нашли другое решение: передать политикам петицию – в качестве предостережения. Насколько я помню, в ту ночь в моем доме аз-Заим говорил следующее:

«Мы составили петицию, и этим утром я лично отнес ее домой президенту. Мы обсудили ее в присутствии премьер-министра и министра обороны Халеда аль-Азма. И вместо того, чтобы заверить меня, что они с интересом отнесутся к содержанию петиции или хотя бы просто ознакомятся с ней, они сказали мне... Знаете, что они мне сказали?! Они сказали: “Вот в это превратилась наша армия? Офицеры теперь занимаются делами мухтаров¹⁰ и составляют петиции?”»

10 Мухтар – деревенский староста или муниципальный депутат.

Тогда я почувствовал то, что чувствовали аз-Заим и офицеры, собравшиеся у меня дома. Меня огорчало то, как политики обращаются с ними; мне стало обидно, когда они заговорили о слухе, будто Халед аль-Азм собирается отомстить офицерам, подписавшимся под петицией, как только будет подписано перемирие с Израилем.

[...]

Аз-Заим и другие офицеры, собравшиеся в моем доме, наперебой жаловались на пренебрежение, жертвой которого стала сирийская армия. Один из них заявил, что в некоторых частях солдаты голодают по несколько дней; другой рассказал, что офицеры стали отказываться от исполнения обязанностей, особенно после ареста подполковника Антуана Бустани и его товарищей – Фуада аль-Карбы и Хасана Ганема, – а один офицер отказывается заниматься снабжением и говорит, что готов к наказанию за неподчинение приказам, лишь бы не оказаться в тюрьме, как его коллеги.

Другой пожаловался, что некоторые выпускники военной академии уже четыре месяца ждут назначения лейтенантами, хотя по закону уже должны были носить лейтенантские погоны.

В час ночи собравшиеся решили, что переворот состоится, чего бы это ни стоило. Аз-Заим попросил меня принести Священный Коран, и я принес. Один за другим офицеры поклялись на священной книге, что они сохраняют в секрете эту встречу и переворот, который назначили на 29 марта 1949 года.

После этого офицеры перешли к обсуждению технических вопросов. На столе разложили карты, которые привезли собравшиеся, и аз-Заим начал раздавать поручения по поводу захвата столицы и того, как должны действовать подразделения, которым предстоит брать под контроль здания госучреждений и дома президента, премьер-министра, депутатов и некоторых других политиков.

На рассвете аз-Заим попросил меня отвезти его домой. Офицеры поспешно разошлись, а мы поехали на моей машине «Ситроен» в квартиру аз-Заима в районе Нури-паша. По дороге он продолжал бранить политиков одного за другим, рассуждая о том, что он сделает с ними после переворота.

[...]

Хусни аз-Заим попросил, чтобы в ночь переворота я был в отеле «Орлеан-Палас». В соответствии с его просьбой я должен был поспешить в штаб-квартиру полиции, как только увижу, что танкисты занимают здание Сирийского радио, расположенное близ отеля, на улице Джамаль-паша. Управление полиции должно было стать точкой сбора для командующих подразделениями, которые двинутся на Дамаск для свержения власти.

Аз-Заим сказал мне, что, если ему нужно будет связаться со мной, пока я буду в отеле «Орлеан-Палас», он сделает это или через мою жену, оставшуюся дома, или через жену офицера Абд аль-Иляха Раслана, который так же участвовал в перевороте и жил в нашем доме в районе Айн аль-Кирш этажом ниже.

В то время «Орлеан-Палас» был самым престижным отелем Дамаска. Обычно в нем останавливались влиятельные политики, которые приезжали в столицу по делам.

Я сел ужинать в одиночестве. Внезапно Назим аль-Кудси пригласил меня за свой столик, расположенный в нескольких метрах от моего. Вместе с аль-Кудси, депутатом от Алеппо, там сидел депутат Абдурахман аль-Азм.

ОПАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР В ТЮРЬМЕ, А ЕГО ЗУБЫ – ДОМА

Должно быть, я и правда выглядел – и, вероятно, действительно был – очень рассеянным в ожидании того опасного и невиданного происшествия, которое ожидало меня и всю Сирию. Аль-Кудси раз за разом спрашивал, что со мной. Я лишь отвечал, что все в порядке, а после ужина попрощался с ним и пошел в свою комнату, чтобы лечь спать.

Абдурахман аль-Азм был человеком пронизательным. Он заметил, что каждые полчаса или я отходил позвонить, или меня звали к телефону. Аль-Азм сказал: «Эти звонки... Это не похоже на вас. Что такое?» Он чувствовал, что что-то будет, и потому остался бдительным и не пошел спать.

Боже мой! Начинается!

Я услышал, как вдалеке по улицам Дамаска грохочут танки. Этот грохот раздавался все ближе и ближе к отелю, а потом ушел к зданию Сирийского радио, расположенного по соседству.

Я спустился к входу в отель, выходящему на станцию Хеджасской железной дороги, и увидел, как вереница танков занимает ключевые улицы, подобно большим призракам, наполняющим артерии спящего города.

Мои постоянные звонки в ту ночь направлялись в мой офис в газете «Алеф-Ба»: Хусни аз-Заим попросил меня напечатать Коммюнике № 1 в типографии газеты в первые часы переворота. С помощью начальника военной полиции Ибрахима аль-Хусейни мы обставили это максимально театрально: он направил в редакцию и типографию двадцать подчиненных, которые закрыли офис газеты для поиска бомбы, которую нам якобы подложили. А за закрытыми дверями печатались листовки с Коммюнике № 1, которые станут распространять на рассвете.

Тем временем была перерезана вся проводная и беспроводная связь Дамаска с другими регионами Сирии и внешним миром. Офицеры с точностью выполнили приказы аз-Заима. Все прошло в соответствии с планом. Меньше, чем за час, военные заняли дома президента Шукри аль-Куватли, премьер-министра и министра обороны Халеда аль-Азма. Оба были арестованы. Аль-Азм попросил дать ему надеть очки и вставные зубы, но ему отказали и забрали прямо в пижаме. Никто из жителей Дамаска еще не заметил, что происходило под их окнами в ту историческую ночь, а Ибрахим аль-Хусейни уже вошел в дом аль-Куватли и сказал ему: «Шукри-бей, прошу проследовать за мной». Аль-Куватли спросил у него: «Куда?» И аль-Хусейни ответил: «В тюрьму в соответствии с приказом главнокомандующего армией и вооруженными силами». Аль-Куватли был в одной пижаме и попросил разрешения переодеться в костюм. Ему позволили это сделать.

Я направился в штаб-квартиру полиции. Аз-Заим уже был там, и с ним были Акрам аль-Хаурани и Халиль аль-Каллас. Аз-Заим продолжал раздавать приказы и указания – лично офицерам и по телефону.

Акрам аль-Хаурани был погружен в составление коммюнике и заявлений, которым предстояло транслироваться по Сирийскому радио в тот день.

Изначально президента аль-Куватли и премьер-министра аль-Азма поместили в тюрьму аль-Меззе. Однако, как только у полковника Хусни аз-Заима появилась свободная минута, он поручил мне направиться в тюрьму аль-Меззе и перевести президента аль-Куватли в военный госпиталь, признавая, что бросать его в тюрьму было ошибкой. И я направился в больницу имени Юсуфа аль-Азме в Меззе и поручил перевести туда аль-Куватли.

ГДЕ ФЛАГ?

[...]

Радио Дамаска транслировало военные марши. Время от времени они прерывались, и в эфир выходило очередное коммюнике, дополняющее Коммюнике № 1. Коммюнике № 2 предупреждало, что всех задержанных с оружием в руках казнят; Коммюнике № 3 запрещало выходить из дома с шести утра и до дальнейших распоряжений.

Потом проследовали призывы к народу. Первый из них гласил: «Великий арабский народ Сирии не приемлет унижений и капитуляции. Что касается военного переворота, то он был произведен без единой капли крови и без единого выстрела»¹¹.

11 Сирийский историк Сами Мубайед утверждает, что в ходе переворота погибли три охранника президента аль-Куватли. См.: MOUBAYED S. *Damascus between Democracy and Dictatorship*. Lanham: UPA, 2000. P. 20.

Коммюнике № 4 предостерегало пекарей и торговцев продовольствием от спекуляций. Коммюнике № 5 разрешало выйти на улицу с семи утра до восьми вечера в день, следующий за переворотом. Коммюнике № 6 в очередной раз заверяло граждан, что верховное командование армии берет власть временно, чтобы обеспечить переход к истинно демократическому правлению и спасти страну от анархии. Коммюнике № 7 обязывало госслужащих вернуться к своим обязанностям утром 31 марта 1949 года. Коммюнике № 8 разрешало выйти на улицу с семи утра до десяти вечера, начиная с третьего дня после переворота.

Хусни аз-Заим выбрал здание полицейского управления на площади аль-Марджа в Дамаске в качестве временной штаб-квартиры. Оттуда он управлял делами государства, оказавшегося в его руках. Его приказы выполнялись точно и спокойно.

Утром нового дня аз-Заим попросил меня собрать влиятельных политиков, чтобы обсудить с ними сложившуюся ситуацию и сформировать демократическое правительство в соответствии с Конституцией. Он поручил мне начать с Назима аль-Кудси.

Внезапно в кабинет аз-Заима вошли несколько офицеров. Перед собой они вели депутата Фейсала аль-Асали, известного своими длинными растрепанными волосами. В последние месяцы беспочвенная вражда этого озлобленного депутата к Хусни аз-Заиму и нападки на полковника лишь способствовали росту влияния аз-Заима. Аз-Заим сказал аль-Асали в полном спокойствии: «Смотри-ка, Фейсал, я мог приказывать убить тебя при задержании. Но я предпочел унижить тебя перед всеми, кого ты здесь видишь».

После этого он сказал Ибрахиму аль-Хусейни: «Отвезите его в тюрьму и состригите с него эту мочалку».

А я направился в отель «Орлеан-Палас», расположенный неподалеку. Я постучался в комнату Назима аль-Кудси, рассказал, что Хусни аз-Заим совершил переворот и хочет видеть его, и попросил проследовать за мной. Сначала он не поверил мне, но, когда я открыл окно, он увидел танки и сказал: «Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха»¹².

ПОЛИТИКИ КОЛЕБЛЮТСЯ

Не успел полковник Хусни аз-Заим приступить к приему влиятельных политиков, как к нам (мы с аз-Заимом были в его кабинете) вошел Мухсин аль-Барази, министр внутренних дел

12 Это выражение – «хавкала»; оно произносится в моменты невзгод и неудач.

в правительстве Халеда аль-Азма. Он был явно взволнован и, вопреки своей привычной элегантности, без галстука и пиджака. Он чуть не плакал и, судя по его расстегнутой белой рубашке, покинул дом в спешке.

Аль-Барази сказал аз-Заиму: «Хусни, прошу тебя, прикажи им арестовать меня вместе со всеми остальными! Из-за нашей дружбы люди подумают, что я участвовал в перевороте и бросил своих коллег и друзей за решетку! Пожалуйста, арестуй меня немедленно».

Разумеется, аз-Заим не стал этого делать. Вместо этого он успокоил аль-Барази и отправил его обратно домой. Мухсин аль-Барази боялся, потому что с аз-Заимом их связывала крепкая дружба. Впоследствии он стал последним премьер-министром при правлении аз-Заима и был казнен вместе с ним в ночь переворота Сами аль-Хиннави. Ходили слухи, что, хотя это не было единственной причиной их дружбы, но все же их сильно сблизило то, что аль-Барази и отец аз-Заима были курдского происхождения.

Первыми, кого Хусни аз-Заим принял в утро после переворота, были Назим аль-Кудси и шейх Мааруф ад-Давалиби – лидеры Народной партии, находившейся в оппозиции к аль-Куватли; эмир Адиль Арслан, доктор Сами Каббара – владелец оппозиционной газеты «ан-Нидаль», – а также доктор Абд аль-Ваххаб Хаумад и другие.

Назим аль-Кудси, прибывший лично, и его коллега Рушди аль-Кихья, который находился в Алеппо и поговорил с Хусни аз-Заимом по телефону, отказались сотрудничать с путчистами. Они считали, что это негативно скажется на будущем нашей родины. Что касается ад-Давалиби, то он согласился сотрудничать. Это привело к расколу в Народной партии. Сотрудничество ад-Давалиби с аз-Заимом в основном заключалось в советах.

Целью аз-Заима было сформировать новое демократическое правительство, которое опиралось бы и на Конституцию, и на вооруженные силы, и, таким образом, его распоряжения выполнялись бы быстрее и эффективнее. В это время на улицах Дамаска и других крупных городов проходили массовые демонстрации. Митингующие выражали поддержку перевороту и осуждали старый режим. Демонстрации были стихийными: ни у одной политической силы тогда не было возможности организовать такие большие митинги. В любом случае эти демонстрации не значили ровным счетом ничего, ведь ровно те же люди, которые выходили на улицы тогда, участвовали в митингах против аз-Заима, когда Сами аль-Хиннави сверг и казнил его.

ПЕРВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯЯСЛИ СИРИЮ

[...]

В период правления аз-Заима в Сирии было несколько политических и идеологических течений. Я упомяну лишь некоторые из них.

Лидером первого течения был Фарис аль-Хури¹³, да упокоит Аллах его душу. Его поддерживал Ас'ад Курани, и я также был ближе всего к этой школе мысли. Нашим приоритетом было, как выражался Фарис аль-Хури, потушить пожар, разразившийся в нашем доме, то есть пожар военных переворотов, и постепенно вернуть страну к конституционному правлению. Главной ценностью нового конституционного режима должны были стать права человека. Другой важной целью была реформа избирательного законодательства. За этим последовало бы установление нового демократического режима, который должен был опираться на верховенство закона.

Во главе второго течения стояли Акрам аль-Хаурани, Мишель Афляк и Салах Битар. Они призывали к фундаментальным реформам на базе социализма.

Третье течение возглавляли Рушди аль-Кихья и Назим аль-Кудси – лидеры Народной партии. Они ратовали за то, чтобы армия вернулась в казармы и все вернулось на круги своя.

Четвертым лагерем, и притом самым слабым, была Национальная партия. Она хотела договориться с армией и провести новые выборы в надежде вернуть часть мандатов, потерянных в пользу Народной партии [на выборах 1947 года].

Между этими течениями стояла нарождающаяся национальная буржуазия, которая боялась намерений аз-Заима, собиравшегося реформировать экономику, судебную систему, финансы и налогообложение.

В это время шла работа по подготовке новой сирийской Конституции. Конституционный комитет возглавлял министр юстиции Ас'ад Курани. У Сирии был шанс получить лучшую Конституцию в своей истории, однако, когда положение аз-Заима стало достаточно надежным, произошел раскол между ним и большинством политических партий и групп. Сначала он удалил от себя Акрама аль-Хаурани и людей из Народной партии, потом порвал с партией Баас. После этого он передал Антуна Сааде, вождя Сирийской [социальной] националистической партии, ливанскому правительству, и оно казнило его,

13 Фарис аль-Хури (1877–1962) – сирийский политик и дипломат, неоднократно был членом правительства (до и после независимости Сирии) и спикером парламента. Отказался сотрудничать с Хусни аз-Заимом, так как считал его режим неконституционным.

а коммунистов аз-Заим бросал за решетку¹⁴. Так он настроил всех против себя. Что касается капиталистов и промышленников, то они боялись реформаторских планов аз-Заима по части финансов, в особенности введения чрезвычайных налогов для покрытия бюджетного дефицита. И, разумеется, традиционные слои общества не были рады человеку, который призывал к равенству между мужчиной и женщиной. Вот так и получилось, что последними союзниками аз-Заима остались отдельные предводители Национальной партии и некоторые беспартийные политики, которые надеялись, что его режим сможет провести реформы.

Ночь в АЛАЙХЕ¹⁵

[...]

По дороге в Дамаск я думал: «Как мог произойти военный переворот? Ведь вся армия поддерживает аз-Заима!» Мне и в голову не приходило, что Сами аль-Хиннави может предать свою дружбу с аз-Заимом до такой степени, чтобы свергнуть и убить его.

Когда я добрался до Дамаска, я не заметил ничего странного, будто это была обычная летняя ночь. Я добрался домой в Айн аль-Кирш, не увидев ничего примечательного. Потом вошел в дом.

Было три часа ночи. Стоило мне начать развязывать галстук и снимать мой белый костюм, как дверь содрогнулась от стука. Не успел я отправить служанку открыть, как по замку уже стали стрелять. Дверь распахнулась настежь, и я поспешно вновь оделся.

Я тотчас все понял. Вошли три офицера и несколько солдат. Похоже, они прятались неподалеку и ждали, когда я вернусь домой. Один из офицеров сказал: «Руки вверх». И я поднял руки. Другой спросил, есть ли у меня оружие, и я ответил, что нет. Оба сказали: «Проследуйте с нами».

В то же время я услышал выстрелы неподалеку от дома, где жил офицер Ибрахим аль-Хусейни – начальник военной разведки и военной полиции и один из приближенных аз-Заима. Он попытался сопротивляться путчистам, но перестрелка закончилась его арестом.

14 Решение передать Антуна Сааде ливанским властям, принятое в июле 1949 года, сыграло важную роль в падении аз-Заима, потому что среди сирийских офицеров было немало сторонников Сирийской социальной националистической партии.

15 Алайх (альтернативное написание – Алей) – город в Ливане. Вечером 13 августа 1949 года Назир Фанса ужинал там с ливанским президентом Бишарой аль-Хури. От него же Фанса узнал об очередном перевороте в Дамаске.

Военный автомобиль, в котором мы ехали с офицерами и солдатами, арестовавшими меня, направился в сторону здания генштаба. Оно находилось тогда в районе ас-Салихия. Во внешнем дворе здания я увидел Хусни аз-Заима в одной только сорочке. С ним были Мухсин аль-Барази в пижаме и его сын Халед; по одежде последнего также было понятно, что переворот застал его в постели. Аз-Заим и аль-Барази стояли босыми.

Путчисты были сильно возбуждены и явно на нервах. Аз-Заим сохранял спокойствие. Когда аль-Барази увидел, как меня выводят из военной машины, он не нашел ничего лучше, кроме как спросить: «Что такое, Назир? Что происходит?» Дрожа от волнения, я услышал свой голос: «Клянусь Аллахом, не знаю! Должно быть, военный переворот». В воздухе веяло трагедией, и ничего умнее мы сказать не могли.

Один из офицеров-путчистов, Алям ад-Дин аль-Каввас, заметил, что мы с аль-Барази разговариваем, приблизился ко мне и влепил мне пощечину. Потом он дважды ударил аль-Барази по лицу, да с такой силой, что тот потерял равновесие и упал на землю.

Этот офицер сказал: «Псы, даже сейчас не прекращаете советовать?» Исам Марьюд достал пистолет, чтобы немедленно застрелить аз-Заима, но издали раздался голос аль-Хиннави: «Нет, не здесь».

Появился герой нового переворота, вчерашний друг Сами аль-Хиннави, и обошел нас троих по кругу. От него пахло вином. Меня наполнило отвращение. Он сказал нам таким тоном, как будто делился обычной новостью: «Мы приговорили вас к смерти за предательство и угнетение народа».

Я подумал, что это конец, о котором нас предупреждали.

КОНЕЦ АЗ-ЗАИМА И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ТИХОЙ ДАМАССКОЙ НОЧЬЮ

Солдаты окружили нас со всех сторон и увели сына Мухсина аль-Барази в другой двор. Я был уверен, что это наш с аз-Заимом и аль-Барази конец. Но тут во мне проснулся инстинкт самосохранения, и я попытался обхитрить солдат, которые уже готовились отвезти нас за город и казнить: «Мне нужно поговорить с полковником Сами аль-Хиннави». К этому моменту аль-Хиннави уже ушел в здание генштаба, и один из офицеров сказал: «Псина... Тебя следует казнить первым».

Аз-Заим был поразительно спокоен и демонстрировал чудеса самообладания. Аль-Барази лежал на земле без чувств. Я дрожал от осознания того, что скоро умру. Аз-Заим сказал

по-французски, обращаясь ко мне и к аль-Барази: «Не бойтесь, дважды не умирать».

Я повернулся к аз-Заиму и подмигнул, дав понять, что кое-что попробую, и сказал офицерам и солдатам, стоящим вокруг нас: «Я хочу поговорить с полковником Сами аль-Хиннави. У меня есть документы и большая сумма денег, мне нужно рассказать ему о них».

Офицеры переглянулись. Один из них сказал: «Этот пес пытается нас одурачить». После этого он дважды ударил меня по лицу, да так, что я повалился на землю.

Но тут снова вышел аль-Хиннави – человек, который еще вчера танцевал для аз-Заима, обвязав скатерть вокруг талии, чтобы развеселить его... Он сказал совершенно обыденным тоном: «Отпустите Назира ко мне, а этих двоих (он имел в виду аз-Заима и аль-Барази) заберите и прикончите».

Солдаты увели аз-Заима и аль-Барази. Раздался громкий плач Халеда аль-Барази – ему тогда было не больше 16 лет. До сих пор, хотя он стал успешным предпринимателем в одной из скандинавских стран, он чуть не плачет при каждой нашей встрече.

Мы с аль-Хиннави поднялись в один из кабинетов на верхнем этаже здания генштаба, и он сказал мне: «Давай-ка посмотрим на эти ваши секреты и деньги». Прежде, чем я успел ответить, он вышел из комнаты на четверть часа. В тишине той летней дамасской ночи я слышал доносящиеся издалека звуки выстрелов, прервавших жизни Хусни аз-Заима и Мухсина аль-Барази. Потом я услышал, как шумят солдаты, возвращающиеся с казни.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко